

НИКОЛАЙ ДРОЗДОВ

ПОЛЁТ БУМЕРАНГА

ВЛАДИМИР БАЛАШОВ

АВСТРАЛИЯ
СОРОК ЛЕТ СПУСТЯ

Владимир Маркович Балашов
Николай Николаевич Дроздов
Полет бумеранга.
Австралия: сорок лет спустя
Серия «Книга-тренд.
Подарочное издание»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67798254
Полет бумеранга / Н. Дроздов, Австралия. Сорок лет спустя / В.
Балашов: АСТ; Москва; 2022
ISBN 978-5-17-147649-6

Аннотация

Николай Дроздов – биогеограф, доктор биологических наук, заслуженный профессор МГУ им. М. В. Ломоносова. Участвовал в многочисленных научных экспедициях по территории России и мира. Автор более 40 книг, действительный член Российской академии естественных наук (РАЕН), лауреат премии «Золотая Панда», лауреат премии ЮНЕСКО за популяризацию науки.

Владимир Балашов – эколог, проживающий в Австралии. Работал в Академии наук СССР, министерстве охраны природы Австралии и участвовал в многочисленных научных экспедициях

по территории СССР и Австралии. В течение 10 лет проводил туры по Австралии совместно с Николаем Дроздовым

Вы держите в руках не просто увлекательную книгу о путешествии по Пятому континенту, известному вам под именем Австралия. Это уникальное издание, включающее в себя воспоминания двух известных знатоков далекого нам континента.

Еще в 1971 года Николай Дроздов прилетел в Австралию по программе обмена научными сотрудниками и провел в стране целый год. По результатам этой поездки и родилась книга «Полет бумеранга», в которой Николай Николаевич рассказывает о Солнце и Луне, которые «пятятся назад», о любопытных чертах человеческого быта и конечно же – об удивительной природе самого пустынного континента.

А уже в начале XXI века Владимир Балашов дарит нам более современный взгляд на эту страну, рассказывая о собственных впечатлениях и историях, в книге «Австралия – сорок лет спустя».

Содержание

Николай Николаевич Дроздов	6
От автора	6
Глава первая	11
Москва – Канберра	11
Столичный университет	22
Первое утро	31
Ночь под созвездием утконоса	63
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Николай Дроздов

Полет бумеранга

Издание выпущено при поддержке Муратова Владимира Николаевича и Кузнецовой Людмилы Николаевны

© Дроздов Николай, 2022

© Балашов Владимир, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

Николай Николаевич Дроздов

Полет бумеранга

От автора

Быстро бегут дни, месяцы и годы, наполненные интересными, важными и неотложными делами. Но когда в короткие минуты затишья возвращаешься памятью к прожитому, то для географа и натуралиста самыми примечательными, самыми яркими остаются страницы жизни, связанные с дальними путешествиями, длительными экспедиция-

ми, когда подолгу остаешься наедине с природой, наблюдаешь ее и пытаешься проникнуть в ее великие тайны.

Экспедиции и путешествия замечательны и тем, что удастся увидеть новые города и селения, дотоле знакомые лишь по карте, проехать и пройти по дорогам и тропам, встретить новых интересных людей, добрых попутчиков и собеседников. Вспоминаются путешествия на Командорские острова и в горы Талыша, по пескам Каракумов и в тайгу Прибайкалья, крутые тропы на склонах кратера Нгоронгоро и непролазные заросли мангров на побережье Индийского океана, поросшие пальмами моготы на Кубе и прикрытая облаком могучая пирамида вулкана Као в архипелаге Тонга.

В предлагаемой вниманию читателей книге мне хотелось бы поделиться впечатлениями об одном из самых дальних и длительных своих путешествий – по Австралии. Этот материк, получивший еще название Пятого континента, примечателен прежде всего тем, что весь он лежит в границах одной страны, принявшей на себя почтенное имя материка – Австралия. Это единственный случай в истории континентов нашей Земли.

Расположение Австралии в Южном полушарии заставляет вновь прибывшего привыкать к тому, что Солнце и Луну надо искать на северной стороне неба. Труднее приучить себя к мысли, что оба светила – дневное и ночное – движутся по небосводу не слева направо, как у нас, а наоборот – справа налево. Поначалу так и кажется, что Солнце

и Луна... пятятся назад по небу. Ночью над головой мерцают звезды в непривычных сочетаниях южных созвездий – Муха, Стриж, Меч Рыба и, конечно, романтический Южный Крест. Но и здесь подстерегают неожиданности: так, совсем недалеко от воспетого моряками и студентами созвездия обнаруживается очень похожий на него Ложный Южный Крест. И не сразу разберешься, какой же из двух Крестов «настоящий».

Прогулка по улицам австралийского города знакомит нас с чертами человеческого быта, некоторые из которых привнесены из бывшей метрополии.

Автомобили с водителями на правом сиденье скользят мимо пешеходов по левой стороне улицы. Забавно, что и люди на тротуаре, подражая машинам, спешат по левой стороне, почему приезжий в первые дни часто сталкивается со встречными пешеходами.

Но самое замечательное, самое впечатляющее и уникальное – это удивительная природа Австралии, ее растительный и животный мир, миллионы лет формировавшийся в условиях изоляции от флоры и фауны других континентов. Хотя Австралию и называют иногда пустынным континентом, но разнообразие ландшафтов здесь велико – от жарких влажнотропических лесов Северо-Востока до заснеженных альпийских лугов на юге Водораздельного хребта, от кишаших жизнью подводных коралловых садов Большого Барьерного рифа до выжженных солнцем каменистых пустынь Цен-

тра. Высокоствольные эвкалиптовые леса, засушливые акациевые редколесья, заросли древовидных папоротников, высокие, ярко-красные песчаные гряды – все это можно найти в разных районах обширного материка. Поражают воображение, будто изваянные сказочным скульптором, причудливые скалы, останцовые горы, живописные арки и гроты на морском побережье. Немало дней и ночей удалось мне провести среди дикой природы Австралии, в эвкалиптовых лесах, саваннах и пустынях, в горах и на тропических островах. В дневное время вел наблюдения за жизнью птиц и пресмыкающихся, а с наступлением темноты не раз при свете фар или сильного фонаря разыскивал на лесных полянах пасущихся кенгуру или валлаби, выслеживал в кронах эвкалиптов медлительных коал или пугливых сумчатых летяг, записывал концерты хорового пения лягушек на берегу пруда, наблюдал неуклюжую ехидну у разоренного ею муравейника или вместе с коллегами забрасывал в тихую речушку сети «на утконоса».

В городах и на маленьких фермах, на улицах и в дальней дороге было много встреч и бесед с самыми разными людьми: студентами и профессорами университетов, фермерами и рабочими, шоферами и служащими контор, пожилыми домохозяйками и юными хиппи, журналистами и безработными бродягами, не имеющими крыши над головой. Люди похожи друг на друга в своих маленьких и больших заботах, в своих мечтах о счастье. Конечно, нужды и заботы,

а отсюда и понятие о счастье у каждого разные. Они зависят от индивидуальности, характера человека и от того окружения, в котором он живет, от уклада самого общества. Поэтому так интересно было узнать об особенностях быта и нравов, об основных критериях ценностей в духовной жизни австралийцев – людей, населяющих столь далекий континент. Национальный характер этих людей сложился сравнительно недавно, – пожалуй, немногим более ста лет назад жители Австралии стали осознавать себя как самостоятельную нацию, со своей историей и традициями.

О городах и людях Австралии, о ее красочной и своеобразной природе, об удивительных животных, населяющих материк, вы узнаете, если совершите путешествие по страницам этой книги. Предлагаемое второе издание дополнено ранее не публиковавшимися материалами.

Глава первая

Под созвездием утконоса

Москва – Канберра

Столица Австралии Канберра живописно раскинулась по берегам искусственного озера Берли-Гриффин, посреди озера поднимается струя мощного фонтана

В наши времена всякое дальнейшее путешествие начинается

обычно с самолета. Так и на этот раз. Поздним ноябрьским вечером 1972 года из московского аэропорта Шереметьево я вылетел рейсом на Сингапур. Ночью пролетаем над Пензой, Актюбинском, Самаркандом, но за иллюминатором самолета лишь черное звездное небо. Летим на высоте десять километров, за бортом температура минус пятьдесят пять градусов. Восход солнца прочерчивает на горизонте резкую красно-сине-черную полосу.

Ранним утром самолет совершает посадку в аэропорту Дели. Позади осталось уже четыре тысячи восемьсот километров. Всего пять часов сорок минут понадобилось нашему самолету, чтобы преодолеть это огромное расстояние. Свежий утренний ветерок встречает нас, едва мы ступаем на трап. В пять часов утра здесь тринадцать градусов, но поднимающийся из-за горизонта красный шар солнца предвещает жаркий день.

После небольшой остановки мы снова в воздухе – теперь курс на столицу Малайзии Куала Лумпур. Под крылом самолета сплошь возделанный безлесный равнинный ландшафт. Уже с утра горизонт скрыт в серо-желтой дымке. Местами среди равнины возвышаются группы холмов. Пролетаем над раскинувшейся бисером домов и строчками улиц Калькуттой. За ней – океан, как черная пустота, прикрытая пеленой мелких кучевых облаков с отдельными крупными «башнями», будто из белой ваты.

И снова побережье – теперь уже впереди полуостров Ин-

докитай. Вдоль берега – квадраты тщательно возделанных полей, а дальше в глубь суши – сплошной темно-зеленый покров девственного тропического леса. Каналы, прорезающие поля, изливают в океан шлейфы бурой воды, и морское течение сносит их к югу. У берега вода океана серая, на мелководье – светло-зеленая, а дальше – до горизонта – темно-синяя.

Ближе к Куала Лумпuru возделанные земли все дальше забираются от побережий на окружающие холмы. Посадки сельскохозяйственных культур образуют на склонах изящные узоры, точно повторяющие линии горизонталей.

Садимся в Куала Лумпуре в десять часов утра. Еще четыре тысячи километров остались позади. Здесь уже чувствуется полное дыхание тропиков – температура тридцать градусов. Следующий бросок – на Сингапур. Расстояние сравнительно небольшое, поэтому самолет не набирает большой высоты, идет прямо над облаками. До горизонта видны только поля и посадки; местность здесь более равнинная, поэтому леса всюду сведены.

Снижаемся над огромным городом, делаем круг над дельтой широкой реки; кое-где видны острова, и поверхность воды усыпана лодками и баржами. На мелководье стоят деревянные частоколы в виде буквы «V», обращенные открытой частью вверх по течению, очевидно, для ловли рыбы.

Центральный сквер в Канберре с галереей магазинов и кафе – любимое место отдыха и прогулок горожан

Карта мира глазами австралийцев (они по-своему правы!)

В Сингапуре полдень; температура – те же тропические тридцать градусов, солнечная погода. В двухэтажном аэропорту придется до вечера ждать пересадки на новозеландский самолет, идущий через Сидней. Поднимаюсь на второй этаж, осматриваю киоски с товарами для пассажиров. Особенно хороши игрушки. Хозяин – старый японец – расставляет их перед входом в лавочку и ждет очередной волны пассажиров с детьми. Как только с эскалатора сплошным потоком выходят люди с прилетевшего самолета, хозяин быстро заводит все игрушки. Мохнатая обезьянка начинает ходить

по кругу; слон играет на ударных инструментах и звенит колокольчиком, который держит в хоботе: собачки прыгают, пищат; самолеты кружатся на полу, сверкая яркими огнями, и, когда они останавливаются, открывается фонарь кабины, оттуда высовывается пилот в шлеме и очках. Дети, как зачарованные, глаз не могут оторвать от оживших игрушек; смотреть на детей даже интереснее, чем на сами игрушки. Когда родители вынуждены силой тащить малышей дальше, дети ревут, как пожарные сирены.

Часов в пять вечера разразился тропический ливень. Полило как из ведра, земля сразу покрылась слоем воды. Но через полчаса непогода улеглась, а к заходу солнца стало совсем тихо и безветренно.

Взлетаем мы в десять вечера. Сингапур сверху – сплошное море огней. В гавани на черной воде – силуэты судов, очерченные горящими лампочками по бортам и вантам. И каждый из них повторяется своим отражением в воде, как в черном зеркале.

Проснулся утром, смотрю в иллюминатор – под нами Австралия! Сквозь пелену облаков видны заросли серо-желтого ксерофитного вечнозеленого кустарника – скрэба в темных пятнах редко разбросанных деревьев. Затем местность становится все более гористой, а растительность – густой. Пересекаем Водораздельный хребет, поросший густым эвкалиптовым лесом, снижаемся над Сиднеем. Город раскинулся до горизонта. Кроме центра, он весь одноэтажный. Бес-

конечные ряды коттеджей, и почти у каждого – ярко-синий кружок или квадратик – небольшие бассейны. Здесь и там видны стадионы для крикета – посреди желтовато-зеленого поля вытоптанная по диагонали полоска земли. Гигантские автостоянки забиты машинами; в центре – много эстакад. в таком городе жить и ездить на одном уровне становится явно невозможно.

В половине девятого садимся в Сиднейском аэропорту. Подходя к двери самолета, предвкушаю: сейчас я ступлю на землю Австралии! Но не тут-то было: по брезентовой трубе, придвинутой вплотную к двери, нас, не пустив на землю, проводят сразу на второй этаж здания аэропорта в багажный зал.

Эвкалипты цветут в сентябре – ноябре

Парни в белых комбинезонах ловко схватывают чемоданы, появляющиеся с транспортера, и размещают их на вращающемся круге. Все это очень слаженно и красиво, однако я не вижу моего большого чемодана. А в нем – километр фото и кинопленки, все мои африканские и алтайские слайды, которые я взял с собой для демонстрации на лекциях.

Вспоминаю шуточную рекламу авиакомпании «Люфтганза», как ее пересказал мне однажды профессор Б. Гржимек, имеющий большой опыт общения с авиасервисом многих стран: «Наша компания точно и в срок доставит вас в Токио, а ваш багаж – в Дар эс Салам!»

Эвкалиптовый лес в национальном парке Блю-Маунтинз
(«Голубые горы»)

Умиротворение

Дежурная, узнав о пропаже, аккуратно записывает приметы моего чемодана. На специальном бланке изображены все возможные типы и формы чемоданов, нужно лишь отметить свой вариант. Очевидно, розыск потерянного багажа – привычное занятие, поставленное на широкую ногу. Я отыскал «свой тип» и назвал наиболее характерное из его содержимого – сетки для ловли птиц и коробки с пленками. Выдают копию бланка, чтобы уже в Канберре обратиться в отдел авиакомпании «Квонтас» и получить чемодан. «Когда мы его найдем», – добавляет дежурная с очаровательной улыбкой. «Я очень надеюсь», – все, что остается мне ответить, не выходя за рамки международного этикета.

Войдя в зал местных линий, уже с некоторым трепетом сдаю последний оставшийся у меня чемодан и сажусь в большой автобус; меня везут по городу в аэропорт местных линий в гуще машин, петляя по эстакадам. Одна из них строится – нависла нелепым обрубком над улицей. Вдоль шоссе много складов, заводов.

Это промышленный район города. Около аэропорта протекает зловонный канал с черными берегами, покрытый пленкой нефти.

Перед местным аэропортом образовалась «пробка» из машин. Чтобы дать автобусу заехать в аэропорт, полицейский выскакивает на мостовую, держа надпись «стоп» на большом круглом щите. Машины нехотя останавливаются, и автобус

заезжает в аэропорт. Полицейский убирает «стоп», и лавина срывается с места, чуть не сшибая его.

Небольшой самолет, который должен доставить меня в Канберру, берет курс на юго-запад. Летит низко, среди облаков. Сквозь их разрывы видна холмистая местность, покрытая пожухлой травой, и отдельно стоящие эвкалипты. Весь пейзаж очень напоминает саванны Восточной Африки с той лишь разницей, что кроны деревьев здесь округлые, а не зонтичные. Полет длится недолго, и наконец завершается весь воздушный маршрут от Москвы до Канберры.

В зале ожидания аэропорта слышу по радио свою фамилию: просят подойти к стойке. Меня ждет молодой человек – служащий ректората Австралийского национального университета (АНУ). Эдуард Хелшби (так зовут моего нового знакомого) отвозит меня в общежитие – «Дом университета». Мне выделяют комнатку на втором этаже и сразу приглашают на ленч. Все обитатели общежития обедают в общем зале. Обслуживают их дамы, потомки английских переселенцев, с милыми и приветливыми лицами. Говорят они на австралийском диалекте, к которому мне еще нужно привыкнуть.

После ленча ко мне подошел доктор Николас – заместитель заведующего департаментом зоологии АНУ – и повез показывать город и университет. Объезжаем разбросанные по зеленым паркам и лужайкам здания университета. Все они малоэтажные, и нет двух одинаковых по архитектуре.

Между ними живописно проложены пешеходные дорожки, созданы площадки для гольфа, крикета, теннисные корты.

Столичный университет

Вместе с доктором Николасом въезжаем по серпантину на смотровую площадку, расположенную на вершине горы Блек Маунтин. Отсюда открывается панорама столицы. Город раскинулся по берегам искусственного озера Берли Гриффин. Названо оно именем американского архитектора, чей проект послужил основой при планировке молодой австралийской столицы. В центре озера вздымается вверх метров на тридцать струя мощного фонтана.

— Хотя озеро и расположено в центре города, но в нем можно иногда увидеть утконосов, — с гордостью говорит доктор Николас. — Неплохое свидетельство в пользу наших работ по охране местной фауны, не так ли?

Охотно соглашаюсь: утконос в центре столицы — звучит очень привлекательно. На одном берегу озера, перехваченного большим мостом, расположился административный центр с высокими зданиями-коробками, а на другом — парламент и дипломатические миссии. Университет построен в стороне от центра, его здания невысоки, утопают в зелени. Близ университета, будто улеглось среди деревьев, — плоское и круглое, с окнами иллюминаторами здание Академии наук. От центра городка разбегаются на прилежащие скло-

ны холмов рядами одно-двухэтажные довольно однотипные коттеджи.

Спускаясь с горы, по дороге осматриваем естественный лес из эвкалиптов и искусственные посадки калифорнийской сосны. Насколько эвкалиптовый лес радостнее для глаза своим разнообразием, неравномерностью, пестротой! А ровные ряды посаженных сосен – без подлеска, все одинакового роста – нагоняют скуку. Даже птиц в таком лесу гораздо меньше, чем в эвкалиптовых зарослях.

– Пора и на работу, – усмехается Николас, лавируя по затайливым изгибам проезжих дорожек. Он тормозит у входа в департамент зоологии. В этом небольшом двухэтажном доме мне предстоит работать почти целый год.

Хлеба краюху – ту пополам...

Корпуса университетского общежития утопают в зелени посадок

Квадратное здание с внутренним двориком стоит на склоне, так что главный подъезд расположен на уровне второго этажа, а сзади можно подъехать ко входу на первый этаж.

Стоянка для автомобилей перед главным подъездом огорожена метровым каменным забором. За ним виден ров, куда выходят окна первого этажа.

– Сначала этого забора не было, один лишь тротуарчик по краю, – рассказывает Николас, пока мы выбираемся из машины. – Так один из наших докторов – ученая рассеян-

ность – умудрился въехать прямо в лабораторию на первом этаже, соскочив в ров. Я покажу вам снимок – его автомобиль на лабораторном столе. После этого случая пришлось сделать высокий и прочный забор.

Николас провел меня по всем комнатам и представил каждому сотруднику. Встречают радушно – все уже знают, что должен приехать научный работник из СССР. На доске объявлений у входа и еще в нескольких местах вывешены объявления: «Всем сотрудникам департамента. 12 ноября к нам прибывает Николай Дроздов из Московского университета, СССР, зоолог и географ. Он будет работать в нашем департаменте в течение десяти месяцев. Его специальные интересы, а также степень знания английского пока неизвестны». При первых же беседах замечаю, что мой английский язык учебно схематичен, а речь собеседников насыщена своеобразными идиомами, сугубо австралийскими жаргонными словечками – да, местный диалект английского языка еще предстоит осваивать.

Обойдя оба этажа по кругу, пожав руки всем оказавшимся на месте сотрудникам и не запомнив, конечно, почти ни одного имени, я спускаюсь в «чайную комнату»: там в половине четвертого на послеполуденный чай собираются все – от профессора до уборщицы. Правда, в нашем департаменте «уборщицы» – это трое пожилых мужчин, двое польских и один югославский эмигранты, попавшие в Австралию еще в 40-х годах. Более квалифицированную работу таким «ино-

земцам» найти нелегко. Во время чаепития близстоящие выясняют, чем я собираюсь здесь заниматься. Одного из моих собеседников отличает гортанное произношение – явно американское. Я не ошибся – это действительно стажер физиолог из США, доктор Уилкоккс, приехавший сюда на год.

Сегодня корпуса уже современные

После чая заведующий департаментом профессор Энтони Барнетт провел меня в комнату на первом этаже с окнами во внутренний дворик. На двери уже висит табличка: «Доктор Н. Дроздов». В комнате пишущая машинка с латинским шрифтом, все необходимые писчебумажные принадлежности, телефон.

– Номер вашего телефона будет опубликован в справочнике телефонов университета через пару недель, – говорит профессор. – Скажите, пожалуйста, что вам еще требуется, и мы постараемся все сделать.

– Благодарю вас за любезный прием. Комната очень удобная. Но раз уж вы предлагаете, то выскажу вам сразу просьбу: нельзя ли мне получить также пишущую машинку с русским шрифтом?

– Это – славянский шрифт? Гм, – смущенно запинается профессор. Видно, что мой вопрос ставит его в тупик. – Мы сделаем все возможное, – решительно добавляет он. (Следует заметить, что через два дня я уже обнаружил на своем столе пишущую машинку с русским шрифтом).

Горный воллаби вечером пришел покушать

Распрощавшись с профессором, оглядев комнату, иду в коридор – осмотреться.

Интересно, кто же из сотрудников соседствует со мной? Рядом две комнаты подряд с надписью: «Опасно, радиация!» Приятное соседство, нечего сказать! А следом за этими комнатами вижу надпись на двери: «Доктор Уилкоккс». Ну что ж, и то хорошо – значит, к гостям с Востока и с Запада они относятся одинаково «бережно».

Изящный сцинк на корявом пне

В конце рабочего дня забегает доктор Николас и отвозит меня в «Университетский дом». Ложусь немного отдохнуть перед ужином и... просыпаюсь в девять часов вечера. Ужин уже кончился. Совершаю ознакомительную прогулку по общежитию. Здесь есть читальня с газетами и журналами, кофейная комната – даже поздно вечером можно налить себе чашечку кофе. В музыкальном салоне хороший выбор пластинок – от классики до песен австралийских аборигенов. Есть и телевизионная комната – там можно послушать новости, нечто подобное нашей программе «Время».

К ночи поднялся сильнейший ветер, даже стекла дрожат под его напором. Кроны деревьев едва выдерживают порывы

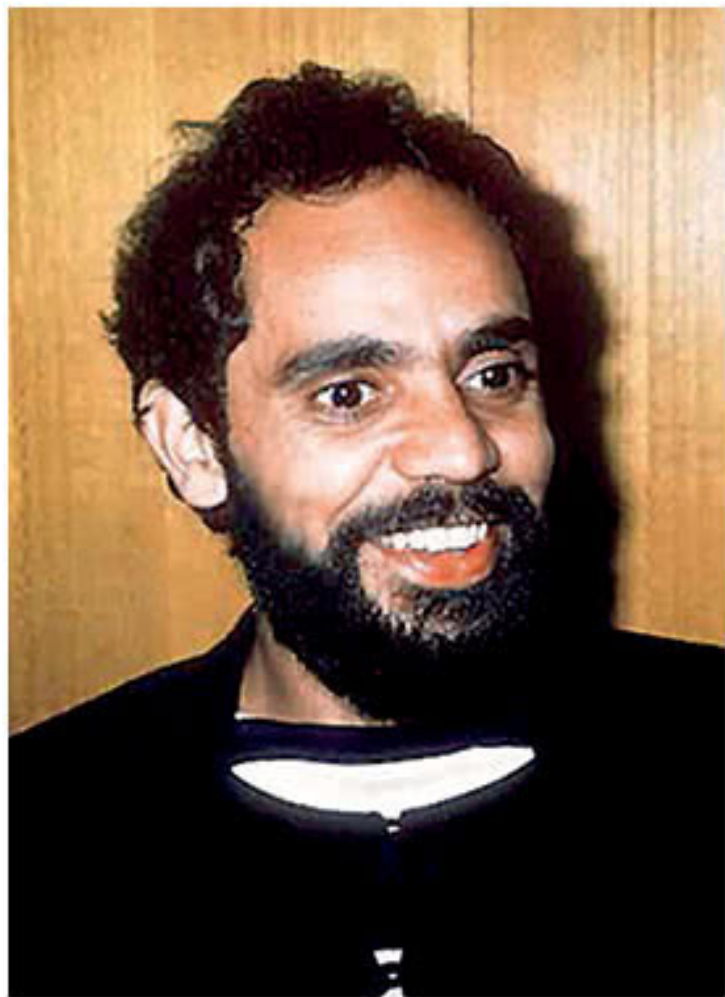
вы. «А за окном шумят эвкалипты» — с этой мыслью я засыпаю.

Первое утро

В восемь утра выхожу из своей комнаты в общежитии — и в тот же момент открывается соседняя дверь. На пороге появляется высокий розовощекий старик в очках, со слуховым аппаратом. От него пахнет целым букетом лекарств. Мне даже кажется, что он специально сторожил меня, чтобы познаться.

— Меня зовут Рон Бейнбридж, — представляется он, — я статистик из Мельбурна, в университете я работаю на мощной ЭВМ, такого класса машин у нас в Мельбурне пока нет.

После завтрака Рон Бейнбридж приглашает меня в свою комнату и показывает серию туристических карт, а также книгу о птицах с прекрасными иллюстрациями. Оказывается, мистер Бейнбридж — заядлый турист, много ездит по стране и особенно интересуется птицами, знает названия многих видов и по-английски, и по латыни, хорошо различает их в природных условиях.

Художник-абориген Гарольд Томас

Прощавшись с общительным соседом, отправляюсь в первую самостоятельную экскурсию по городу.

У самого входа в общежитие прыгают с веселым чириканьем самые заурядные домовые воробьи.

До центра города можно идти через лужайки с отдельно стоящими деревьями, мимо площадок для крикета, теннисных кортов. Тротуаров вдоль автомобильных дорог нет, тропинки пересекают зеленые лужайки в разных направлениях. Пешеходов почти нет, машин тоже немного – сегодня суббота.

Впереди торгово-административный центр города. Асфальт вытесняет зеленую траву, зато вдоль улиц появляются тротуары. Сегодня здесь все словно вымерло, как в фильме «Земляничная поляна» Бергмана. Лишь вдали видны отдельные фигуры пешеходов. Хочу спросить, как пройти к книжному магазину, пытаюсь догнать идущего на доступном расстоянии человека, но в последний момент он скрывается в подъезде дома. Гоняться за маячащими на горизонте пешеходами кажется мне нелепым, и я с надеждой смотрю на машины. Но светофоров поблизости нет, а на ходу не очень удобно расспрашивать водителя.

Увидев на мостовой «зебру», решаю перейти на другую сторону улицы. Сойдя на мостовую, собираюсь пропустить мчащийся «фольксваген», и в тот же момент девушка за ру-

лем мягко тормозит перед самой «зеброй». Она приветливо улыбается и делает жест рукой: мол, проходите, пожалуйста. Вот, оказывается, отличный способ остановить водителя и задать ему вопрос – нужно лишь ступить ногой на «зебру».

Выясняю у девушки, что книжный магазин находится совсем недалеко, за углом, после чего становлюсь опять на тротуар и предлагаю проехать сначала ей: «Ladies first»¹. – «It's so kind of you»², – доносится в ответ из набирающего скорость «жука». В книжном магазине несколько отделов, книги выставлены на стеллажах и вращающихся стойках, все доступно для посетителя. Можно взять книгу в руки, посмотреть, хотя слегка разочаровывает не очень вежливая надпись поверх стеллажей: «У нас не библиотека» – напоминание для медлительных книголюбов. Мои первые покупки – книги о рептилиях, о пауках и популярная иллюстрированная «Природа Австралии». В отделе для книг карманного формата – целые серии «общеполезных» популярных изданий. Здесь можно найти книжечки на самые неожиданные темы: о гимнастике йогов, о сервировке стола, о методах релаксации, о том, как подобрать имя новорожденному, об искусстве произносить застольные речи, о способах похудения, о том, как делать бумажные игрушки, и даже о том, как разбогатеть. Причем каждая книжечка рекламирует свой единственно верный, совершенно новый, уникальный метод.

¹ «Дамы – в первую очередь» (англ.).

² «Это очень любезно с вашей стороны» (англ.).

Руководители Австралийского национального университета за чашкой вечернего кофе. На переднем плане сэр Резерфорд Робертсон

Вернувшись в общежитие, на пороге встречаю доктора Ричарда Барвика. Это сотрудник департамента зоологии, герпетолог, которому профессор Барнетт поручил «опекать» меня по научным интересам. Ричард, или «просто Дик», как он предлагает себя называть, хочет показать мне город и окрестности. Едем через уже знакомый административный центр на другую сторону озера по длинному мосту. Здесь много зелени, среди которой разбросаны здания парламента, разнообразные по архитектуре посольства различных стран.

Над двухэтажным домом на зеленом пригорке развевается

наш советский флаг. Это наше посольство, маленький кусочек Родины в этакой дали! Проезжаем мимо ворот. У входа стоят трое дюжих полицейских в фуражках и голубых форменных рубашках.

Въехав в периферийные районы города, следуем между рядами типовых коттеджей. Одно, двухэтажные, с зелеными лужайками перед фасадом, все они производят впечатление игрушечных домиков, аккуратно расставленных по склону прилежным мальчиком из старшей группы детсада. Сегодня суббота, и с самого утра пожилые или молодые мужчины в шортах и безрукавках с нескрываемой важностью стригут траву перед домом. Они толкают перед собой тарахтящие тележки, и зловонный бензиновый шлейф дыма тянется за ними. Видно, для этих джентльменов нет лучшего вида отдыха.

Минуем площадку для крикета. Все игроки в белых костюмах и шапочках с козырьками. Один стоит на корточках, заслоняя собой торчащие из земли метровые палочки и держа в руках широкую деревянную битую. Кидает мяч «нападающий», который сначала долго прицеливается, делает замахи прямой рукой, разбегается и что есть силы швыряет мяч в игрока с битой. Тот успевает отбить мяч, и стоящие поодаль игроки бросаются ловить его. После некоторого затишья та же сцена повторяется в разных вариантах.

– Довольно вялая игра – один кидает, другой отбивает, а остальные стоят и смотрят, – замечаю я.

– Это верно, – отвечает Ричард. – Но учтите – это не толь-

ко игра, для англосакса это скорее «образ жизни», как и стрижка лужаек.

Поднимаемся на новую точку обзора города, где находится ресторан «Карусель». На столбе перед рестораном сидит черная австралийская ворона, задумчиво «разговаривает» сама с собой.

В ее голосе слышны совершенно человеческие нотки.

Знаменитый Опера-Хаус в Сиднее

Спустившись с обзорного холма, направляемся к Барвику домой, где нас уже ждет к обеду его жена Диана (Дайен). Су-

хоньякая брюнетка в очках, с умным, проницательным взглядом карих глаз радушно встречает нас на пороге дома. После «вступительной» чашечки кофе идем осматривать участок.

Место для своего дома Барвики выбирали долго – и не напрасно: он расположен выше всех других домов, на сухом взгорье. К ним во двор никто сверху не заглянет. А кругом – дворы, открытые для обозрения, и их хозяева не могут чувствовать себя в полном уединении. Еще одно преимущество: когда был сильнейший ливень, то многие участки залило, а они «вышли сухими из воды».

– При выборе жилья тоже нужно применять экологическое мышление, – шутит Дик. На своей земле он ничего не разравнивает и не стрижет – напротив, подсаживает местные кустарники, охраняет муравейник подле эвкалипта. Несколько естественных групп камней придают этому маленькому пространству особую живописность и обаяние.

Под эвкалиптом Ричард соорудил затейливые кормушки для птиц. Пока мы гуляли по двору, на кормушки слетали с ветвей ярко-красные попугаи розеллы и черно-белые певчие вороны.

Ночной гость пришел не за этим... (кистехвостый поссум)

После обеда совершаем первую экскурсию за город – наконец-то я на природе! Первые снимки австралийского сельского ландшафта ложатся на пленку моего фотоаппарата. Вся земля вокруг дороги – частная собственность фермеров овцеводов, огороженная колючей проволокой. Загородки делят весь ландшафт, куда хватает глаз. В местах въезда на участки висят грозные надписи: «Частная собственность. Нарушители будут наказаны». Для дорожного путника остается лишь «полоса отчуждения» шириной в пару метров за кюветом, усыпанная бутылками и жестяными банками из-под пива.

В обширных загонах пасутся овцы, а кое-где – и коровы.

Эвкалиптовый лес местами вырублен полностью, а кое-где оставлен в виде отдельных деревьев или рощиц. Естественно, что мало-мальски крупным диким млекопитающим на таких территориях не выжить. Зато птиц вокруг много, и мы с Диком, вооружившись биноклями, приступаем к наблюдениям.

Хотя ландшафт и освоен, но повсюду встречаются уже местные, сугубо австралийские виды птиц. В кронах деревьев прячутся красные и желтые розеллы, по земле, подобно нашим грачам, бродят около стад певчие вороны и мелкие черно-белые сорочки жаворонки. На заборах расселись рыжие веерохвостые мухоловки, они кланяются и распускают хвост веером в такт поклонам. Высоко в небе пролетает пара снежно-белых желтохохлых какаду, с обочины мы вспугиваем целую стайку розовых какаду – их головы тоже украшены хохлами. На толстой ветви сидит крупная большеголовая птица плотного телосложения, с мощным прямым клювом. Это знаменитый гигантский зимородок кукабарра, громкий хохочущий голос которого звучит в позывных австралийского радио! Но сейчас кукабарра не в настроении – он молча поворачивает голову вслед проезжающей машине.

Мы с Диком замечаем и некоторых менее обычных птиц, которых нам не удастся определить «на глаз» – приходится обратиться к помощи полевого определителя. Так мы узнаем синекрылую древесную ласточку и пеструю, черно-желтую «сорокопутую синицу».

Скоростное автомобильное движение оставляет свои следы на асфальте – сбитых птиц. Мы останавливаемся и стараемся определить их останки. Бедняга розовый какаду уже совсем разутюжен. Певчую ворону сшибли совсем недавно, и я забираю ее с собой, чтобы вечером на досуге снять шкурку для коллекции кафедры биогеографии.

Национальный парк Тидбинбилла недалеко от Канберры раскинулся по холмистой местности с живописными выходами гранитов

Во время одной из остановок мы выходим за обочину. Я осматриваю листовую подстилку, заглядываю под ва-
лежник в поисках мелких животных, прячущихся в лист-

ве и дерне. Нахожу несколько мелких австралийских лягушек лептодактилид бурого цвета, с выразительными черными глазами. А вот и более волнующая встреча; под корягой нашел себе убежище небольшой блестяще-черный паучок с красным пятном. Он отнюдь не безобиден – это ядовитый австралийский каракурт.

Возвращаемся после захода солнца в дом Дика. За ужином беседуем на самые разные темы. Хозяева расспрашивают меня о нашей стране, об университете, о многих интересных животных, которых они знают только по книгам.

Я в свою очередь спешу узнать побольше о местной фауне, об охране природы Австралии, о том, где и что удавалось Дикю наблюдать самому. Оказывается, он даже исследовал биологию новозеландской гаттерии, или туатары, – одного из редчайших пресмыкающихся, заслужившего прозвище «живое ископаемое». Знакомлюсь с библиотекой Дика, его публикациями о туатаре, затем переходим к коллекции масок, которую хозяева привезли из экспедиций в Японию и на Новую Гвинею. От масок разговор переходит к австралийским аборигенам, и здесь мне удастся узнать много интересного: ведь Дайен – антрополог, она, как и Дик, работает в университете, ее научные исследования посвящены именно аборигенам Австралии.

В заключение вечера мы переместились в кофейную комнату. Здесь Ричард имел неосторожность включить телевизор. Разговор сразу распадается – к сожалению, так случает-

ся в любой компании, когда зажигается гипнотический «голубой глаз», – и вот уже Ричард заливается смехом над коллизиями заурядной бытовой комедии. Он пересказывает мне некоторые сюжетные ситуации, боясь, что «глубина» местного юмора не дойдет до меня. Действительно, особенно австралийского произношения и пока еще незнакомые жаргонные словечки не позволяют уследить за деталями, поэтому перевод на стандартный английский язык оказывается полезным.

Постепенно набираю багаж наиболее обиходных выражений и понятий, употребляемых австралийцами, которых не найдешь в словарях. Узнать их можно только от живых «носителей языка».

Общежитие и его окрестности

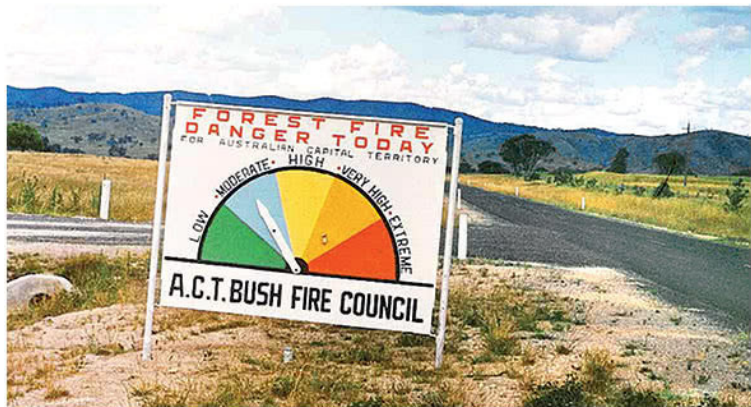
На второй день по привычке орнитолога встаю на рассвете, в пять часов утра, и выхожу из общежития. Именно в первые утренние часы птицы наиболее активны: они с увлечением поют, кормятся, общаются друг с другом. Поэтому орнитологи проводят учеты птиц по голосам в ранние утренние часы, и мне привычно проснуться до восхода солнца – такой режим дня у нас всегда в экспедициях и на студенческих практиках.

Конечно, в городе возвращаешься к общепринятому режиму – утром ведь идешь на обычную работу, а не на учеты

птиц. Но если и в городе, в его зеленой зоне, вы захотите понаблюдать птиц, то обязательно встаньте на восходе солнца. Как ни странно, но в городском парке это даже важнее, чем в девственном лесу. Дело в том, что обычная ранняя активность птиц усугубляется в условиях города фактором беспокойства. Как только на улицах или тропинках парка появляются люди, птицы становятся осторожнее, редко и с большой опаской спускаются на землю. А на рассвете многих птиц можно застать кормящимися в траве на лужайках, сидящими на нижних ветвях деревьев. Они так заняты своими делами, что легко подойти к ним совсем близко.

Синий крапивник

Придорожный щит оповещает об уровне пожароопасности

Заботы семейной жизни (серые кенгуру)

Вокруг общежития раскинулся парк, в нем живописно перемежаются эвкалипты, желтые акации, плодовые деревья, американские дубы, группы цветущих кустарников. Вдали сквозь деревья просматриваются здания, входящие в университетский комплекс.

Трава еще покрыта ночной росой. В низине близ озера – пелена тумана. Отовсюду слышны голоса птиц, особенно выделяются музыкальные возгласы певчих ворон. Эти бойкие, подвижные птицы подпускают меня на несколько метров.

Ближайшая певчая ворона издает звонкий крик, косится рубиновым глазом. Основное оперение у нее черное, на затылке, спине и крыльях белые пятна, клюв серо-стальной.

Кукабарра, или смеющийся зимородок

Здесь целый выводок певчих ворон. Молодые ходят по земле, но корм еще не научились собирать – смешно ковыляют за родителями и выпрашивают у них пищу, издавая резкий металлический крик. Сейчас середина ноября – конец австралийской весны, и у певчих ворон птенцы уже покинули гнезда.

Отдельно от певчих ворон ходит по земле другая черно-белая птица, размером значительно меньше. Это – сорочий жаворонок, представитель особого австралийского семейства, на самом деле не сорока и не жаворонок (пестрый, как сорока, а размером с крупного жаворонка). Сорочьим жаворонком (*magpie lark*) называли эту птицу англичане, мне же она напоминает силуэтом кулика ржанку, а походкой – белую трясогузку. Так и нет у этой птицы «своего» имени. Подобная судьба постигла многих австралийских животных, названия которым давали европейцы, искавшие в их облике сходство с уже знакомыми европейскими животными. Так появились сорочьи жаворонки, певчие вороны, кукушковые сорокопуты, не говоря уже о целой компании сумчатых двойников – сурках, кротах, белках, муравьедах, медведях, мышах. Все эти двойники отнюдь не родичи тех животных, чьими именами они названы, – они лишь внешне похожи на них. Зоологу такие названия, по правде говоря, режут слух: уж очень явно для натуралиста несходство австралийских двойников с их европейскими моделями.

Перед ловлей утконоса приятно посидеть у костерка

К удовольствию зоологов, в этом деле немало помогли австралийские аборигены. Им не с чем было сравнивать местных животных, и они дали им свои названия, которые и нам теперь удобно использовать: вомбат (сумчатый сурок), намбат (сумчатый муравьед), коала (сумчатый медведь), кенгуру и многие другие. Большинство этих аборигенных имен непереводимы: вомбат – это вомбат и никто другой, скажет вам любой абориген. Однако есть и имена со значением – например, коала означает «тот, который не пьет», или, проще, «непьющий». Довольно точное прозвище, хотя и звучит несколько двусмысленно. Ведь действительно коала не спускается к водоемам, он довольствуется влагой, содержащейся

в листве эвкалиптов. Менее удачное и даже в известной степени обидное для европейцев название у самого известного австралийского животного – кенгуру. Дело в том, что, когда одни из первых европейцев увидели кенгуру, они спросили у повстречавшихся им аборигенов: «Как зовут? Кто это?» На что те ответили: «Кенгуру». Так и вошло это название в отчеты и книги, и лишь позднее выяснилось, что ответ аборигена означал: «Не понимаю». Ответ вполне резонный для человека, не искушенного в английском.

Мои размышления над судьбой кенгуру и сорочьего жаворонка прерывает резкий скрипучий крик – это парочка красно-желтых восточных розелл спустилась с дерева на траву прямо передо мной. Я замер, прислонившись к стволу эвкалипта, и наблюдаю, как эти длиннохвостые попугаи неуклюже передвигаются по земле – вразвалочку, волоча хвост. Вскоре им, видно, такая ходьба надоела, да и ничего съедобного не нашлось – и два маленьких факела взмывают вверх и рассаживаются среди ветвей эвкалипта. Там хоть можно пощипать бутоны и цветы, а может быть, и разгрызть прошлогодние плоды – благо на эвкалиптах сейчас можно найти и то, и другое, и третье.

Из зарослей кустарника боттл браш выскакивает веерохвостая мухоловка (тоже вовсе не родственница наших мухоловок), садится на горизонтальную веточку и проделывает гимнастику хвоста. Движения хвоста двойные: налево-направо и одновременно рулевые вместе-врозь, как бы сочета-

ние движений хвоста у сорокопута и дрозда.

Неожиданно знакомый певучий голос – эту птицу я узнаю без труда: европейский черный дрозд. Один из двадцати двух видов птиц, завезенных в Австралию из Европы, Азии и Америки. Вон там, вдали, ловко скачет по земле черная длиннохвостая птица, останавливается, что-то роет клювом в подстилке. С другой стороны доносится столь же знакомый, но более резкий, металлический крик. Сидя на фонарном столбе, оглашает окрестности индийская майна. Мне ее голос напоминает пустыню Каракумы, Репетекский заповедник, где эти птицы – самые шумные и заметные обитатели маленького поселка в песках.

Тихую речушку Шолхавен населяют утконосы. Ученые поставили сеть вдоль берега

Банксия, эндемичный австралийский род кустарников из семейства протейных, назван по имени ботаника Джозефа Бэнкса, спутника капитана Кука

Дружная пара ест «валетиком» (желтохохлые какаду)

Солнце поднялось над деревьями, роса подсыхает, появились первые пешеходы – по территории университета студенты и преподаватели предпочитают ходить пешком по удобным тропинкам от здания к зданию, а то и просто по зеленым газонам.

За три утренних часа я уже обошел всю южную часть университетского парка, расположенную на левом берегу речушки Салливен: три шестиугольника Школы социальных наук, массивное здание библиотеки, одноэтажные, похожие на бараки домики почты, банковского центра и кредитного

союза, старый госпиталь, а за ним – домик проректора, прячущийся в зелени. Ближе к берегу озера – приземистое здание Академии наук оригинальной архитектуры: точь-в-точь приземлившаяся «летающая тарелка». Так и ждешь, что оттуда выйдут космические пришельцы. Возвращаюсь к уже знакомому трехэтажному зданию университетского общежития. Живут в нем аспиранты, стажеры и профессора – иногородние и иноземные, то есть те, у кого нет своего жилья в Канберре.

П-образное здание связано застекленной одноэтажной галереей. В ней расположены дирекция, канцелярия, музыкальная комната и читальня. Захожу во внутренний дворик; вдоль галереи идет каменная дорожка, а вдоль дорожки тянется заросший кувшинками бассейн. В нем сверкают чешуей золотые рыбки – их тут больше десятка. Оказывается, не я один в этот ранний час заинтересовался золотыми рыбками: по краю бассейна ходит большая серая цапля и пытается ухватить рыбку. Она почти уже добилась успеха, выбрав удачную позицию, но в этот момент хлопает дверь на дальней стороне галереи, и во двор выскакивает сухонький старичок в халате, с палкой в руке. Прихрамывая, он бросается на цаплю и угрожающе размахивает палкой. Цапля вынуждена ретироваться, взлетает и садится на конек крыши в надежде, что назойливый преследователь уберется восвояси.

Среди земноводных особенно разнообразны квакши – и древесные, и наземные

Наземная квакша внешне похожа на прудовую лягушку (конвергенция!!)

Подхожу к воинственному старичку в халате, приветствую его, а затем замечаю: «Вы эффективно охраняете золотых рыбок». – «Увы, нет, – отвечает он, – эта проклятая цапля уж не раз вылавливала их, и мне приходится доставать и выпускать новых». Приглядываюсь к своему собеседнику: у него сухое, аскетическое лицо с орлиным носом; седые ко-

роткие волосы обрамляют классически круглую лысину; глаза окружены морщинками; энергичное лицо его то и дело освещается мягкой, доброжелательной улыбкой. Несмотря на палку и хромоту, он держит спортивную выправку истого англичанина, и произношение у него, как говорят, оксфордское. Мой собеседник производит самое приятное впечатление, и, чтобы продолжить беседу, я представляюсь.

– О, я уже знаю о вашем приезде и очень рад видеть вас в нашем доме, – оживляется он и в свою очередь представляется: – Робертсон, директор этого дома.

Теперь наступает мой черед выразить удовольствие от нашего знакомства – действительно, это мистер Резерфорд Робертсон, директор университетского общежития. Но это далеко не все: я уже знаю, что этот джентльмен – известный австралийский ученый, ботаник, президент Академии наук (той самой, что обитает в «летающей тарелке»), а общежитием он заведует «между делом», поскольку живет здесь вместе со своей супругой. По происхождению он шотландец, получил степень доктора наук в Оксфорде (отсюда и оксфордское произношение!). Вероятно, он не хочет оставаться в Австралии насовсем – потому и живет в общежитии.

Недавно профессор Робертсон был удостоен звания сэра в очередном (ежегодном) королевском указе. Так что теперь его наиболее правильно называть не по фамилии, а по имени: сэр Резерфорд. И его супруга теперь уже не миссис Робертсон, а леди Резерфорд – супруга сэра.

– Как идет ваше выздоровление, сэр Резерфорд, и скоро ли вы снова будете в седле? – спрашиваю я.

– Спасибо, уже лучше, – улыбается он, польщенный моей осведомленностью о его новом звании и о его увлечении. – Надеюсь через месяц вскарабкаться на какую-нибудь смиренную клячу.

Мне уже рассказали, что сэр Резерфорд – заядлый наездник. Месяц назад его сбросила наземь строптивая лошадь. Профессор сломал ногу при падении и лишь недавно вернулся из госпиталя. Но верховую езду бросать, конечно, не собирается. Найдя общий язык, чему немало способствовала наша любовь к верховой езде, мы с профессором обходим внутренний дворик, после чего он удаляется в свои апартаменты, чтобы переодеться к завтраку.

Перед тем как пойти в обеденный зал, заглядываю в читальную комнату, чтобы просмотреть свежие газеты. Здесь уже сидят несколько завсегдатаев – любителей утреннего чтения; среди них Рон Бейнбридж и его приятель – небольшого роста, полный и лысый брюнет в серой каракулевой папаше, свободном белом костюме и туфлях на босу ногу. Мистер Бейнбридж знакомит нас, представляя его: «Мой старый друг мистер Хан из Пакистана». Узнаю, что мистер Хан – энтомолог, специалист по борьбе с вредителями сельского хозяйства.

Ксанторрея, а по-местному – блэкбой

Пора идти завтракать. Мы поднимаемся, но мистер Хан не трогается с места. Я приглашаю его, но тот с очень серьезным видом отвечает: «Благодарю вас, но у меня сейчас пост».

Мы с Роном отправились вдвоем, и по пути он объясняет мне, что у мистера Хана сейчас мусульманский пост. Пост заключается в том, что он не притрагивается к пище с восхода до заката солнца, но зато «берет реванш» с наступлением темноты. Пост, с моей точки зрения, своеобразный и никак не сказывается на поперечных габаритах мистера Хана.

– Видите ли, мистер Хан считает, что пост развивает его силу воли, – поясняет мне Рон.

После завтрака мистер Бейнбридж приглашает меня на экскурсию в расположенный близ Канберры национальный парк Тидбинбиллу.

– Мы вернемся только к обеду, поэтому нужно запастись ланчем «на вынос», – говорит он.

Перед завтраком каждый из нас записывается в «книгу заказов», и после завтрака на столе у выхода нас ждут пакеты с едой, на каждом – фамилия заказчика.

Рон с пунктуальностью англичанина проверяет содержимое своего пакета – там сэндвичи с беконом и сыром, яйцо, салат, различные фрукты. Я из солидарности тоже заглядываю в свой пакет и обнаруживаю там лишь две груши, яб-

локо и апельсин. Мне не удастся скрыть своего недоумения и разочарования, и Рон поясняет, что при заказе ленча нужно не только записать свою фамилию, но и поставить галочки в графы с буквами В (бекон), С (сыр), S (салат), Е (яйцо) и F (фрукты). Не найдя в моем заказе галочек, любезные дамы из кухни не стали лишать меня ленча, а на свое усмотрение предложили мне вегетарианское меню. Проходя через читальный зал, Рон приглашает и Хана поехать в Тидбинбиллу. Выезд назначается лишь на одиннадцать часов – оказывается, до этого Рону необходимо пойти на воскресную службу в университетскую церковь.

В мастерской моего друга

– Я тем временем помолюсь дома, – с очень серьезным видом вторит ему Хан.

– А я почитаю книгу о национальных парках Австралии, – таким же серьезным тоном говорю я. Рон улавливает шутливость моего тона и чуть заметно улыбается, а мистер Хан, обремененный важностью своей духовной миссии, с непроницаемым лицом удаляется в свою комнату.

Пока мои новые приятели очищают свои души, я забиваю свою голову всем, что могу найти о Тидбинбилле.

Ночь под созвездием утконоса

В первый же день по прибытии в департамент зоологии Австралийского национального университета я познакомился с молодым австралийским ученым Питером Темпл Смитом, который занят изучением биологии утконоса. Высокий и худощавый, с окладистой рыжевато-бородой, он оказался общительным собеседником и увлеченным исследователем. Он расспрашивал меня с живым интересом об особенностях фауны и охраны природы в СССР и в свою очередь охотно посвящал меня в проблемы, стоящие перед австралийскими зоологами.

Гольф у кромки моря

Прошло лишь две недели моего пребывания в Канберре, как Питер собрался в очередной полевой выезд для отлова и мечения утконосов. Я с радостью принял его приглашение принять участие в этой поездке.

К нам присоединился молодой канадский зоолог Майкл Алексюк, проводивший в это время свои исследования при Австралийском национальном университете.

Район, где Питер проводит свои работы, находится примерно в ста километрах к югу от столицы. Сначала наш путь лежал по шоссе, но затем мы свернули на проселок. Вокруг сменяют друг друга маленькие поселки, фермы, участки пастбищ, отгороженные проволочными изгородями, и еще

не тронутые островки девственного эвкалиптового леса. Местами и лес огорожен – кто-то купил участок и начинает расчищать его под пастбище. Деревья в таких случаях перед рубкой кольцуют, чтобы они высохли на корню. Окольцованный эвкалиптовый лес являет собой грустное зрелище...

Свернув с дороги, открыли калитку в изгороди и через участок пастбища выехали на берег тихой, поросшей кустарником речушки Шолхавен. С другого берега вплотную к реке подходит густой эвкалиптовый лес. Вот здесь-то нам и предстояло увидеть утконосов.

У какого зоолога сердце не замрет от подобной возможности?! Справедливости ради нужно заметить, что утконосы, находящиеся под полной охраной с 1905 года, стали сейчас обычными во всех реках по склонам Большого Водораздельного хребта в Восточной Австралии. Они заплывают даже в большое искусственное озеро Берли Гриффин, расположенное в самом центре столицы. Однако из-за скрытного образа жизни утконосов очень мало кто, даже из австралийцев, видел в природе, не говоря уж о том, чтобы ловить их руками.

Сразу же начинаем сгружать оборудование – алюминиевую плоскодонку с веслами и пять сетей с оранжевыми поплавками в ярко-красных полиэтиленовых ведрах. Спустив лодку на воду, отплываем и начинаем расставлять сети в наиболее подходящих местах. Это участки, где берег крутой, поросший густым кустарником с ветвями, нависающими над

водой.

Утконос – одно из самых удивительных животных: с утиным носом, перепончатыми лапами, бобровым хвостом этот зверь несет яйца, а детенышей выкармливает молоком

Ага, попался, приятель!

В таких местах и должны быть норы утконосов.

Конец сети подвешиваем к ветке над водой и тянем сеть на расстояние пять – десять метров от берега. Другой конец также набрасываем на ветви вместе с ведром: ночью по ярко-красному ведру легче будет найти сеть. Две сети расставляем наискось от одного берега к другому – ширина речки всего сорок – пятьдесят метров.

Пасмурно, временами накрапывает дождь, поэтому первые утконосы появились, не дожидаясь захода солнца: метрах в тридцати раздается всплеск – на поверхности воды появляется темная спина утконоса! Животное то выныривает на миг и, захватив порцию воздуха, тут же уходит вглубь,

то всплывает и неподвижно, как бревно, лежит на поверхности воды. Тогда ясно различимы его округлая спина, голова и плоское надклювье. Ноздри, расположенные посредине надклювья, вбирают воздух, а черные круглые глазки внимательно следят за окружающим. Малейшее подозрительное движение – и зверек моментально ныряет в глубину. Расставив сети, возвращаемся на берег и разводим небольшой костер. Из леса и из кустов несется хор птичьих голосов, перемежаясь с мелодичными трелями лягушек. Особенно выделяется громкое пение небольших толстых лягушек, прозванных бычьими за свое телосложение, но отнюдь не за голос, который у них очень приятен и музыкален.

Над окружающими долину холмами нависли темные дождевые тучи, а из-под их кромки перед самым заходом выглянуло солнце. Над эвкалиптовым лесом на другой стороне реки засверкала яркая двойная радуга.

Оглянувшись на реку, мы вдруг замечаем, что прямо напротив нас, на середине реки, спокойно отдыхает на поверхности большой утконос. С высокого берега его видно гораздо лучше, чем с лодки. В проекции сверху вырисовывается полностью очертание его тела: тупой хвост, кургузое туловище, крупная голова на короткой шее и плоский широкий клюв.

По оценке Питера, плотность популяции утконосов здесь очень велика: на протяжении пятисот метров обитает около двадцати особей!

Пока котелок на костре собирается закипеть, я, памятуя

английскую поговорку «Если смотреть на котелок, он никогда не закипит», обхожу окрестности в поисках почвенных животных. Нахожу под валежником и камнями толстых черных тараканов, несколько мелких лягушек, сцинков, а также маленькую, длиной около тридцати сантиметров, изящную змейку. Она относится к семейству аспидовых, но не опасна, хотя и ядовита: рот ее слишком мал, чтобы нанести человеку действенный укус. Однако Питер и Майкл не разделяют моего оптимизма в отношении змейки, не решаются взять ее в руки и просят положить мешочек со змеей подальше от них в ящик. К сожалению, даже среди зоологов приходится наталкиваться на предубежденное отношение к змеям.

Вскоре мы отплываем на проверку сетей. Метров с тридцати замечаем, что в одной из них что-то бьется. Майкл гребет быстрее, Питер поднимает сеть. В ней – утконос! Попалась небольшая самочка. Питер хватает ее за хвост и высвобождает из пут. Я беру ее в руки, перебираю густой, плотный, шелковистый коричневый мех, похожий на мех бобра. На брюхе шерсть светлее, а нижняя часть веслообразного плоского хвоста голая. Передние и задние лапы вооружены длинными, слегка уплощенными когтями. Пальцы задних ног соединены перепонками, не достигающими до когтей, зато на передних лапах перепонки громадные, в расправленном состоянии они даже длиннее пальцев. Но расположены перепонки не между пальцами, а прикреплены к внутренней стороне пясти (ладони). Поэтому при плавании они расправ-

ляются наподобие веера. Сейчас же, когда зверек со страху свернулся клубком у меня на коленях, перепонки передних лап подогнуты внутрь, под ладонь. Когда Питер берет утконоса за хвост, зверек нервничает, делает ныряющие движения головой, резко гребет в воздухе перепончатыми лапами.

Опускаем утконоса в большое ведро. После нескольких попыток выбраться он успокаивается и затихает, свернувшись клубочком на дне.

Стоит прикоснуться к утконосу, как он сразу съеживается, опускает голову вниз и старается спрятать мягкий клюв, свернувшись калачиком. Обычно люди, знакомые с утконосом только по рисункам и сухим музейным чучелам, думают, что клюв утконоса – твердое роговое образование, подобное утиному клюву. Но это совсем не так. Мне удастся просунуть руку под брюхо утконосу, и он утыкается носом в мою ладонь, стараясь «зарыться» в ней. Я сразу ощущаю прохладную мягкость и эластичность его кожистого «клюва» – он покрыт черной пористой кожей, которая как бы натянута на основу из двух тонких и гибких дугообразных косточек, проходящих по краям надклювья и подклювья. Верхняя часть клюва значительно шире и длиннее нижней. Кроме того, от основания клюва сверху и снизу отходят назад мягкие кожистые щитки, прикрывающие подбородок и переднюю часть головы почти до самых глаз. Эти щитки увеличивают поле чувствительности при поиске пищи под водой. Ведь клюв утконоса – основной орган чувств во время ныряния: под во-

дой глаза, уши и ноздри животного плотно закрыты.

Позже мне удавалось подолгу наблюдать за поведением утконоса в огромном аквариуме зоопарка Эрика Уоррелла в Госфорде, близ Сиднея. Я дважды был в гостях у Эрика – энергичного коренастого австралийца с черной седеющей бородой, владельца уникальной коллекции живых рептилий. В обширном парке Эрика Уоррелла помимо гигантских королевских кобр, тайпанов, синезыких сцинков и прочих чешуйчатых гадов живет утконос. Это редкий гость зоопарков, поскольку он в условиях неволи требует особой заботы при содержании. Аквариум длиной в несколько метров и глубиной около метра имеет пологий выход на сушу и дальше – в искусственную нору, где животное прячется во время отдыха. Наблюдая за животным из затемненного зала, я видел, как утконос спускается в воду, ныряет и плывет над самым дном. Голова его опущена, глаза плотно закрыты, на их месте видны два светлых пятна – это выделяется на фоне темно-бурой окраски светло-желтая шерсть сомкнутых век. Чувствительный нос вместе с лобным и подбородочным щитками служит утконосу основным органом ориентации и поиска пищи под водой. Животное держит клюв над самым дном и непрерывно быстрыми движениями поводит головой из стороны в сторону, взмучивая носом придонный ил, обследуя камни и пучки донной растительности. Захватив клювом со дна добычу, утконос поднимается на поверхность и, распластавшись на воде, тщательно пережевывает корм тверды-

ми роговыми пластинками. Эти пластинки заменяют ему зубы, выпадающие еще в раннем возрасте. Пищей утконосу служат всевозможные водные животные – черви, моллюски, мелкие ракообразные, личинки насекомых. С более крупной добычей он выбирается на берег, чтобы там разгрызть ее и затем проглотить.

У самца на задних лапах – ядовитые шпоры

Шпоры направлены вперед и вовнутрь (хвост – вверх!)

Утконосы исключительно прожорливы, не выносят длительной голодовки, поэтому содержание их в неволе сопряжено с постоянными хлопотами по снабжению свежим кормом. Из-за этого даже в Австралии лишь несколькими зоопаркам удавалось подолгу держать у себя утконосов.

Тщательно обследовав пойманную самку, мы отправляемся с добычей к берегу, обсуждая и переживая поимку уникального зверя.

– Ник и Майкл, – обращается к нам Питер, – вы оба про-

сто счастливые люди. Ведь Ник – первый русский, а Майкл – первый канадец, которым довелось собственными руками поймать утконоса.

Мы рассказываем Питеру о внешнем облике и образе жизни бобров, которых каждому из нас приходилось наблюдать у себя на родине. Мы находим ряд общих черт у этих совсем не родственных животных. Аналогии сформировались в результате длительного приспособления к полуводному образу жизни. Их можно проследить в общем сложении вальковатого тела с плоским веслообразным хвостом (у бобра он голый с обеих сторон, а у утконоса – только снизу), в структуре и свойствах шерстного покрова: густой и упругий шелковистый мех хорошо противостоит намоканию, сохраняет кожу сухой и теплой во время плавания в воде. Много сходного у бобра и утконоса также в строении перепончатых лап, в манере плавания и ныряния, в строительстве убежищ нор (отнюдь не всегда бобры строят хатки, зачастую довольствуясь норами, вырытыми в крутом берегу реки). Примечательно, что эти отдельные черты сходства в морфологии, экологии и поведении выработались у животных не только не родственных, но и резко различающихся по многим другим особенностям строения, питания, размножения. Значительно позже я подумал также о том, что можно провести аналогию между утконосом и нашим полуводным насекомоядным зверьком выхухолью. Просматривая фильм о жизни выхухоли, я был поражен сходством этого зверька с утконо-

сом в кормовом поведении. Спустившись из норы в воду, выхухоль плывет над самым дном, взмучивая придонный ил своим подвижным хоботком, и захватывает донных обитателей – моллюсков, червей, рачков. Поймав добычу, он возвращается в нору, где и поедает ее. Все это очень похоже на поведение утконоса.

Пойманного утконоса нужно пометить ошейником и хвостовой меткой

Через час едем снова проверять сети. На этот раз я сажусь на весла; бесшумно опускаю их в воду и маневрирую в темноте вдоль сетей, давая Питеру возможность просвечивать фонарем сеть под водой. В той же сети, в которую час назад попала самка, запутался крупный самец. Он вырывается из рук еще более настойчиво, но Питер держит его за хвост очень крепко и в то же время осторожно, избегая его растопыренных задних лап. Такая предусмотрительность вполне оправдана: на запястье каждой лапы с внутренней стороны торчит по толстой слегка загнутой острой шпоре. Шпоры эти светло-желтого цвета, полупрозрачные в свете фонаря. В них таится немалая опасность — самец утконоса отнюдь не так безобиден, как самка. Внутри каждой шпоры проходит полый канал, соединенный с протоком ядовитой железы, которая помещается в основании ноги. Железы содержат нейротоксический яд, смертельный для мелких животных. Для человека укол шпоры утконоса весьма болезнен, хотя и не смертелен. Странно, что утконос не старается воспользоваться шпорами для самозащиты. Он мог бы протянуть лапу назад и вонзить шпору в руку Питера, но вместо этого он бессмысленно растопырил лапы и лишь судорожно подергивает ими.

Какие перепонки!

До сих пор неясно, зачем нужны утконосу ядовитые шпоры. Для защиты от естественных врагов? Но таких врагов у утконоса немного – это вараны, крупные змеи и эндемичные водяные крысы. Для них утконосы представляют лишь случайную добычу. Кроме того, шпорами вооружены лишь самцы – а разве самкам меньше нужна защита от хищников?

Может быть, самцы утконосов используют шпоры при борьбе между собой за самок или за индивидуальные участки? Отмечен случай, когда самец поранил шпорой попавшуюся ему «под горячую руку» самочку и та вскоре погибла. Но оказывает ли яд шпор заметное действие на более крупных самцов утконосов, пока неясно.

Поместив обоих пленников в большие ведра в кузове «лендровера», мы сами устраиваемся у костра для короткого сна.

Заглянув перед сном в машину, я обнаруживаю, что утконосы заполнили ее резким запахом, который не был так заметен на открытом воздухе. Он напоминает запах свежельвленной рыбы. Такой сильный запах источают выделения околошейных желез. По этому запаху утконосы легко находят друг друга в природе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.